

■ ■ ■ Культурный суверенитет в дискурсах развития

Арканникова М.С.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению концепта «культурный суверенитет» в дискуссиях о развитии в контексте политики развития. Основная цель данной работы – осуществить обзор отечественных научных исследований в области изучения культурного суверенитета. В обзоре дается краткое описание исследовательских подходов к концепту, уточняются структурный и когнитивный компоненты концептуализации понятия, определяются принципы «сборки» культурного суверенитета цивилизационной проектности современной России в контексте коммуникативного подхода. Автор показывает, что изучение культурного суверенитета в научном сообществе сфокусировано на нациестроительстве как базовом каркасе когнитивного суверенитета и системной смычке власти и общества в условиях геополитических вызовов и трансформации мирового порядка. Анализируя категорию «культурный суверенитет» на стыке методологических подходов культурологии, политологии и дискурсологии, автор раскрывает перспективы изучения концепта в контексте трех дискурсивных конструкторов: музейный дискурс – дискурс государственной политики памяти – дискурс национальной идентичности, рассматриваемых применительно к современным политическим реалиям России в логике реализации стратегии национальной безопасности. Автор заключает, что оперируя понятием «культурный суверенитет» и учитывая лингвистический фундамент развития любой цивилизации, нельзя оставить без внимания хранительницу когнитивного суверенитета, культурного кода нации – ее язык. В этом плане дискурсология занимает все более значимое место в системе наук о культуре в целом, и о культурном суверенитете, в частности.

Ключевые слова: культурный суверенитет, стратегический суверенитет, когнитивный суверенитет, стратегия национальной безопасности, политический дискурс, музейный дискурс, дискурс, дискурсы развития

Для цитирования: Арканникова М.С. Культурный суверенитет в дискурсах развития // Коммуникология. 2024. Том 12. № 4. С. 13-27. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-4-13-27.

Сведения об авторе: Арканникова Марина Сергеевна – кандидат политических наук, доцент, директор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, докторант института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ); член Экспертного совета Комитета по молодежной политике Государственной Думы Российской Федерации. ORCID: 0000-0002-2490-8406. E-mail: arkann_ms@spbstu.ru. Адрес: 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.

Статья поступила в редакцию: 03.11.2024. *Принята к печати:* 12.12.2024.

Конфликт интересов: отсутствует.

Введение. Актуальность статьи обусловлена стремительной эскалацией военного и информационного противостояния между Россией и Западом, ставшей триггером к проявлению стратегической решительности стран-участников БРИКС¹ в разработке альтернативной версии существования и развития – мироустроительной стратегии. Как отметил в преддверии XVI саммита на встрече с руководителями СМИ стран БРИКС Президент России В.В. Путин, «очень хорошо сказал премьер-министр Индии, он сказал БРИКС – это не антизападное объединение, оно просто не западное, это очень важно. Вот в этом “мы не против Запада, мы просто не Запад” – очень глубокий смысл. БРИКС никому себя не противопоставляет»². То есть, сегодня невозможно не признать тот факт, что Россия отстаивает не только свою суверенность и национальную идентичность, она осуществляет переход от оборонительных практик к разработке цивилизационно-геополитической стратегии нового миропорядка.

Для современной России концепт «культурный суверенитет» с 2015 года³ стал важным смысловым конструктом политического дискурса, а в системе национальной безопасности страны является ее ключевой составной частью⁴. В контексте научного осмысления вопросы когнитивного настоящего и будущего суверенных государств становятся архиважными особенно в условиях, когда «возникло поле кибервойны, где полководцами и военными аналитиками, возможно, станут – или уже стали? – программисты и хакеры» [Оганисян 2015: 18], где диалог о ценностях, вынесенный в пространство медиа, все больше отдаляет одни сообщества от других, ведет к усилению конфронтации во взглядах [Кириллина и др. 2024], когда «фактически речь идет о том, что появляется новое состояние – “мир-война”, или “война-мир”» [Гаман-Голутвина, Сморгунов 2023: 9], «когда осуществляется борьба за “государственную состоятельность” [Торкунов 2022: 12-13]⁵, а современный мир предстает глобальным театром военных действий, ежедневно генерирующим когнитивные фронты» [Арканникова 2024(b): 31].

¹ На момент проведения XVI саммита, проходившего с 22 по 24 октября 2024 года в Казани, членство в БРИКС подтвердили девять государств: Бразилия, Россия, Индия, КНР, ЮАР, Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия.

² Путин заявил, что БРИКС никому себя не противопоставляет // ТАСС, 18.11.2024 г. [эл. ресурс]: <https://tass.ru/politika/22159223> (дата обращения: 22.11.2024).

³ Вофициальныйдискурстермин«культурныйсуверенитет»впервыевведенв2015году в текст Стратегии национальной безопасности России, где он определяется как фактор, способствующий укреплению национальной безопасности в области культуры; подчеркивается необходимость обеспечения культурного суверенитета государства, согласно Указу Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (п. 82).

⁴ Согласно Указу Президента РФ от 02.07.2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁵ В настоящее время в политологической науке актуализируется концепт «государственная состоятельность», ранжирующий государства на состоятельные и несостоятельные («сильные» – «слабые»), где источником угрозы признается не «сильное», а «слабое» государство.

Речь идет о том, что сегодня особенно остро звучат суждения, высказанные еще более века назад Н.Я. Данилевским о том, что «Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянстве не только чуждое, но и враждебное начало» [Данилевский 2010: 71] и А. Дж. Тойнби, что «мы имеем дело с особой интригой, где Запад выступил в личине агрессора, избрав не-западные миры в качестве своей жертвы» [Тойнби 1995: 129-130]. Все эти рассуждения актуализируют тему, выбранную автором для научной дискуссии.

Теоретико-методологические подходы. В настоящей статье автор ставит цель осмысления концепта «культурный суверенитет» в пространстве дискуссий о развитии в контексте политики развития.

Прежде всего отметим, что идейно-культурные искания философов и историков¹, литераторов и мыслителей² о судьбе России в отечественной практике занимают прочный теоретический фундамент, который условно можно разделить на четыре периода. Первый связан с формированием русского самосознания и конструированием национальной идентичности во временных границах от преобразований российского императора Петра I до Отечественной войны 1812 года и декабристского движения. Второй продолжает развитие русской аксиологии как пути познания и бытия от зарождения капитализма до краха Российской империи. В ходе третьего, советского, периода происходит «освобождение» от метафизики и религиозного содержания, поиск компромисса между государственной политикой развития и интеллектуалами того времени. Четвертый, современный, можно сравнить с прозрением мольеровского героя Журдена, обнаружившего, что он говорит прозой. В этом периоде, происходит переосмысление русской цивилизации как концепта и разработка русской цивилизационной стратегии с учетом двух «обрушений» ее в XX веке и эволюционной трансформации миропорядка в веке XXI.

Как в первых трех исследовательских циклах, так и в настоящее время можно проследить синтез абстрактно-умозрительных и эмпирически-конкретных подходов. Сегодня, в контексте двух парадигм будущего – подходов прогнозирования и форсайта – закономерно возникают вопросы о важнейших факторах развития цивилизационных процессов, политических институтов и систем, определения оснований и самих моделей цивилизационной динамики в логической

¹ См. классиков отечественной научной школы, среди которых: Н.М. Карамзин, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.О. Ключевский, В.С. Соловьев, Н.И. Кареев, Г.В. Вернадский, С.М. Погодин, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, М.М. Бахтин, П.Н. Милюков, Ю.М. Лотман, А.С. Ахиезер и др.

² См. русских классиков, чьи работы представляет собой литературные, документально-реалистические, философско-исторические, антропологические и культурологические размышления о судьбе России и «русской идеи». Среди них: М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев, Ф.И. Тютчев, Н.В. Гоголь, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышевский, А.П. Чехов, И.А. Бунин, С.Н. Булгаков, А.В. Луначарский, Л.Н. Гумилев, А.А. Ахматова, Б.Л. Пастернак и др.

цепочке рассуждений цивилизационной природы России через: «одно (византийский – К.Н. Леонтьев; западный – западники), два (византийский и западный – В. Вейдле); три (византийский, ордынский и западный, где системообразующим выступает фактор «кочевой цивилизации» – евразийцы); четыре (автохтонный, византийский, азиатский, западный – М.А. Волошин) социокультурных порядка, русская цивилизация предстает в диахронном аспекте: как дискретная (пять формаций России в пределах единого цивилизационного процесса – Н.А. Бердяев) или как интегральная (один культурно-исторический тип у Н.Я. Данилевского) величина» [Муза 2024: 74].

Вместе с тем, в современных научных дискуссиях можно проследить два основных подхода, «две перспективы в определении цивилизационного феномена, с которыми связаны варианты репрезентаций цивилизационной идентичности, – сингулярно-универсалистскую и плюрально-партикуляристскую» [Российское общество 2021: 134]. Так, в рамках первого подхода, цивилизации рассматриваются как проекция эволюционизма в социокультурной реальности (К. Маркс, Н. Элиас), в рамках второго – как самобытные, самодостаточные, закрытые «культурные миры» (Н.Я. Данилевский, А. Дж. Тойнби, М. Вебер, О. Шпенглер, С. Хантингтон), транснациональные, транскультурные образования (Э. Дюркгейм, М. Мосс, Б. Нельсон), долговременные культурно-институциональные (Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон) и культурные сетевые структуры (Р. Коллинз). Автор уточняет, что в рамках данной работы рассматривает заявленную тему в контексте плюрально-партикуляристского подхода, а не в сингулярно-универсалистской трактовке цивилизации как феномена, которая предполагает оценивание в терминах уровня развития. Принципиальным для концептуализации плюралистического понимания является «признание равнозначности цивилизационных феноменов и отрицание универсальных критериев цивилизации. Цивилизационная идентичность определяется через апелляцию к идеям и представлениям множественности и уникальности цивилизаций, фундаментальных различий и траекторий развития и модернизации ввиду исторического опыта, культурных и институциональных особенностей. Цивилизационные различия и самобытность актуализируются в ситуациях противопоставления как аргумент в пользу ограниченной рецепции или нерелевантности инокультурных форм и моделей, реализации “особого пути”. Идея цивилизационного своеобразия может использоваться как для определения толерантной позиции, так и в агрессивно-радикальном неприятии, демаркации границ отношений и “столкновении цивилизаций”» [Российское общество, 2021: 135].

Опираясь на сложившиеся в отечественной науке исследования, позволяющие осуществить поворот к переосмыслению цивилизационной природы Русского мира, в рамках данной работы автор предпринимает попытку зафиксировать теоретический конструкт «культурный суверенитет» и рассмотреть его в контексте современного противостояния глобализму и транснационализму.

Результаты исследования и их обсуждение. Теория суверенитета и история формирования концепта «культурный суверенитет» берет начало в работах французского политика и философа Ж. Бодена, опубликованных еще в 1566 и 1576 годах. Первый теоретик суверенитета ввел в публичный дискурс понятие безопасности, включающее «экономическую и культурную безопасность, под которой понимается скорее конфессиональная, т.е. защита государства от чужеродных религиозных влияний, которые в то время являлись главными культурными маркерами. <...> Интеллектуальное очарование этих работ – в парадоксальном сочетании жесткого, устойчивого понимания суверенитета и безопасности и изменчивого, гибридного концепта культуры. В дальнейшем обе концепции, развивающиеся в параллельных исследовательских областях, будет объединять общее смысловое ядро культурной идентичности» [Романова 2023: 147].

В контексте методологического плюрализма наук следует отметить значительный вклад Х. Ортега-и-Гассета, Ю. Хабермаса, М. Маклюэна, П. Штомпки, М. Фуко, Н. Лумана, П. Бурдьё, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана в изучение «культурного капитала» (инкорпорированного, объективированного и институционализированного состояния по П. Бурдьё [Бурдьё 2002]), способного инициировать ценности и смыслы, конструирование мира дискурса и семиосферы [Лотман 2010], т.е. все то, что формирует идентичность и определяет культурную / национальную безопасность.

Анализ современных англоязычных и отечественных исследований показывает, что вслед за основоположником Ж. Боденом в научном дискурсе складывается концептуализация двух понятий «культурная безопасность» и «культурный суверенитет».

В западном научном дискурсе под культурной безопасностью понимается способность общества сохранять свои существенные характеристики при меняющихся условиях и/ или фактических угрозах, где «ядром концепции культурной безопасности является сохранение не абстрактной культурной идентичности или идентичности отдельных меньшинств, а реальной множественности культурных идентичностей, которые в настоящий момент под влиянием глобализационных процессов нивелируются в некий гомогенизированный субстрат» [Романова 2023: 149]. Культурный суверенитет трактуется как политическая технология, обеспечивающая совокупность проекций и решений по самоопределению и самоутверждению.

В современном отечественном научном дискурсе, который автор определяет четвертым этапом в осмыслении цивилизационной модели развития России (см. выше), понятие «культурная безопасность» описывается шире и имеет несколько коннотаций, связанных непосредственно с трактовкой лежащего в его основе базового понятия «культура». В расширенной трактовке культуры как специфической сферы человеческой деятельности, направленной на создание духовных и материальных ценностей, объектом культурной безопасности становится культура как таковая, а сама культурная безопасность рассматрива-

ется как аспект национальной безопасности. То есть, культура рассматривается не только как объект (наследие, культурный код, когнитивная целостность), но и как фактор обеспечения безопасности (культурная политика, стратегия мягкой и умной силы в международных отношениях). Под культурной безопасностью понимается «процесс, осуществляющий не только поддержку безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, размытие культурной идентичности, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания, культурной идентичности, а на современном этапе – и культурного суверенитета» [Романова 2023: 149-150]. Также следует отметить, что российская трактовка культурной безопасности пересекается с понятиями «культурные войны», «ментальные войны», «войны памяти», «когнитивные войны», «культура отмены».

В научном сообществе России культурный суверенитет осмысливается прежде всего через цивилизационный нарратив ценностного противостояния между коллективным Западом и Русским миром, между глобальными целями развития и государственным суверенитетом, между дискурсом индивидуального бытия в глобальном мире анонимов и духовно-интегрирующим дискурсом соучастного или подлинно диалогичного бытия. По мнению российских ученых, культурный суверенитет по своей природе диалогичен и во внутреннем, и во внешнем измерении. Ему присущи черты и принципы развития как в глобальном потоке цивилизационного онтогенеза, так и в формате пространственно-временного континуума. Он эмоционально окрашен и представляет собой целостную, отделяемую от других и взаимодействующую с другими сущность реального мира. Его всеохватность и универсальность являются равноценными характеристиками национальной ментальности.

Российскими исследователями культурный суверенитет рассматривается не как политическая технология, а как теоретический конструкт, описывающий ориентиры национальной идентичности: в наличии собственных аутентичных ценностей и культурного кода, в способности воспроизводить эти ценности и поддерживать их без внешней аберрации, в логике культурного и ценностного многообразия, в праве государства на конструирование национальной идентичности. Также обращает на себя внимание тот факт, что описание концепта осуществляется через призму (либо в логической цепочке рассуждений) таких понятий, как «киберсуверенитет», «информационный суверенитет», «цифровой суверенитет» и «технологический суверенитет». Подобная исследовательская логика обоснована наличием в настоящее время целого ряда российских нормативных правовых актов стратегического планирования в области национальной и международной безопасности, и как следствие обусловлена официальным дискурсом политических акторов, оперирующих данными категориями. Автор отмечает, что как в юридическом понимании, так и в плоскости научного осмысления категория «культурный суверенитет» рассматривается в российской

риторике как составная часть системы правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации (как объект наследия и как фактор правового обеспечения национальной безопасности; как сущностное единство национального и глобального)¹. Вместе с тем, в научной литературе наибольшее внимание уделяется рассмотрению содержательного аспекта культурного суверенитета, противостояния в метафизическом пространстве, чем осмыслению его защиты.

Это позволяет говорить о том, что культурный суверенитет в англоязычном и отечественном научном дискурсе – это два принципиально разных концепта. Вместе с тем, для обоих дискурсов характерна репрезентация понятий как неизбежно политизированных. «Отличительная черта, характеризующая современные нарративы о развитии, – их политизация: смыслы, вкладываемые в понятие “развития”, оказываются объектом острых политических противостояний между странами бедного Юга и богатого Севера, между приверженцами социального государства и их политическими оппонентами из неолиберального лагеря, между сторонниками экологизма и противниками “экологического империализма”. Но также между носителями разных картин мира и несовместимых взглядов на роль и предназначение человека, между “миром веры” и “миром неверия”» [Семененко 2023: 46].

Можно констатировать, что исчерпание глобалистского нарратива по неолиберальному сценарию переходит сегодня в «идеологию консервативного антиглобализма и общественно-политическую риторику мира» [Мчелидова, 2023: 166] как сообщества цивилизаций. «Контуры новой картины мира, основанной на признании равноположенности путей цивилизационного развития стран и регионов, стимулируют рождение нового политического нарратива, перетекающего в реальную политику» [Мчелидова 2023: 166]. Таким образом, инициированный Н.Я. Данилевским в 1869 году и далее О. Шпенглером, А. Дж. Тойнби, С. Хантингтоном концепт цивилизационного плюрализма, в равной степени актуализирует сегодня смысловой конструкт культурного суверенитета как в научной, так и в политической повестках.

Рассматривая его как один из ключевых императивов национальной безопасности, автор «выделяет исследования уральской школы политической дискурсологии [Русакова, Грибовод 2018], а также московской и петербургской школ политологов [Семененко; Торкунов; Мчедлова; Пантин; Казаринова; Лапкин; Коцур], в которых изучение политических дискурсов становится одним из базовых, опорных направлений в системе политического анализа, а понятие “идентичность” – средством концептуализации субъективной составляющей политического процесса [Семененко 2023: 13]. Анализируя категорию “культурный суверенитет” на стыке методологических подходов культурологии, политоло-

¹ В этом плане можно констатировать, что в российской юридической практике концепт «культурный суверенитет» начинает складываться как нормативное понятие с 2015 года.

гии и дискурсологии, автору представляется перспективным изучение концепта в контексте трех дискурсивных конструктов: музейный дискурс – дискурс государственной политики памяти – дискурс национальной идентичности, рассматриваемых применительно к современным политическим реалиям России в логике реализации стратегии национальной безопасности» [Арканникова 2024a,b,c; Арканникова, Брагинец 2024; Гавра, Арканникова 2024].

Как уже отмечалось выше, цивилизационные смыслы развития современной России становятся системообразующими в политической риторике акторов федерального уровня власти с 2014 года. Следует отметить, что данные дискуссии о развитии в контексте политики развития рассматривают культурный суверенитет как составной компонент технологического суверенитета и/или как два равноценных ядра национальной безопасности [Игнатьева; Коктыш; Сморгун]. То есть, «достигнутая способность самостоятельно мыслить как на индивидуальном, так и на коллективном уровне в контексте национальных интересов обусловит обеспечение собственной культурной и технологической безопасности во всех сферах (наука, образование, технологии, продовольствие, промышленность)» [Арканникова, Брагинец 2024, 189]. «Когнитивный суверенитет – это наличие собственных аналитических способностей, которые позволяют отделять то, что нужно человеку, обществу от того, что ему навязывается. Без когнитивного суверенитета не может быть технологического суверенитета» [Игнатьева 2022: 182–183]. «Технологический суверенитет, которого пока не достигла ни одна страна в мире, станет в ближайшее десятилетие условием выживания государств. Одним из условий достижения технологической независимости является когнитивный суверенитет, при котором Россия будет избегать навязывания внешних инициатив, не несущих заявленной пользы»¹ [Арканникова, Брагинец 2024].

В этом плане «сборка» культурного суверенитета потребует, по мнению автора, когнитивной инфраструктуры суверенистского мировоззрения², формирующей его смысловое и ценностное ядро. Субъектами данной инфраструктуры должны выступить все заинтересованные акторы государство – общество – культурные институты – медиа. По мнению автора, когнитивное ядро культурного суверенитета – конструкт ценностного, экзистенциального порядка, то есть его невоз-

¹ По материалам лекции спецпредставителя Президента РФ по вопросам цифрового и технологического развития, генерального директора платформы Национальной технологической инициативы (НТИ) Д. Пескова для студентов на тему «Технологический суверенитет и способы его достижения» (Москва, МГТУ имени Н.Э. Баумана, 23.05.2022 г.) и выступления Д. Чернышенко, заместителя Председателя Правительства Российской Федерации на тему «Цифровизация Госуслуг – государство для граждан» на международном форуме-выставке «Россия» (Москва, ВДНХ, 11.02.2024 г.).

² Автор опирается на широкую трактовку суверенизма, как идейно-политической доктрины, ориентированной на необходимость борьбы за интегральный суверенитет (политический, культурный, социально-экономический, технологический, национальный, а также цивилизационный) [Камкин, Сигачев 2023; Коцур 2023].

можно формировать в одностороннем информационном потоке (директивным, пропагандистском). Формирование данной среды должно опираться на консолидацию отраслевых сообществ наука – образование – искусство как социального маршрута культурной политики государства, в том числе основываться на развитии символического пространства этой консолидации, на потенциале двусторонней симметричной коммуникации, на вовлечении в событийную коммуникацию, на рекрутировании релевантных лидеров мнений (носителей суверенных смысловых и ценностных оснований), формирующих повестку в коммуникативной системе России и во вне. Представляется, что взаимосвязь дискурсов «мягкой силы» и «умной силы» в решении стратегических задач национальной безопасности также будет инструментом когнитивной инфраструктуры культурного суверенитета, обеспечивающим мобилизационный потенциал и консолидацию (акторов, ценностей, усилий), «проводниковую среду» по каналам мягкой и умной силы, культурное продвижение и легитимацию национальных интересов страны.

В рамках данной статьи, «под когнитивным суверенитетом будем понимать формирование коммуникационной среды политического дискурса и ментальных пространств дискурсивной рефлексии субъектов политического процесса с помощью когнитивных интеграторов, концептов, фреймов, которые имплицитно присутствуя, служат основой признанной ценностно-смысловой картины мира, базовых ценностей и регламентируемых последними дискурсивных и поведенческих практик национальной культуры доминирующего большинства. В рамках такого подхода политические процессы артикулированы своими субъектными акторами и опосредованы наличием инфраструктуры и / или интерфейса между властью и обществом, государством и нацией.

Автор разделяет мнение ученых, что ключевым носителем когнитивных установок выступает групповой субъект, поскольку происходит экстраполяция на доступное группе социальное пространство тех когнитивных установок, с которыми согласно большинство ее членов [Коктыш 2022: 96]. В этом плане автор считает важным осмысление “когнитивного сдвига” / “когнитивного поворота”, произошедшего в период становления Нового времени, когда началась десакрализация церкви и институционализация банковской сети» [Арканникова, Брагинец 2024: 189], когда «прежний традиционный институт влияния, формировавший правила и нормы, не просто сокрушается, но замещается вошедшим в политику банкиром, т.е. купцом, открывшим политическую силу финансов. Банкир фактически присваивает себе функцию нормотворчества, причем с заведомо отсутствующими рамками – поскольку добро и зло больше не имеют значения. Происходит когнитивная трансформация: картина мира выстраивается вокруг служения деньгам, в кальвинизме обретшим статус пропуска в град Небесный. Деньги превращаются в интегратор, формирующий картину мира, ее ценности и практики. Возможно, изначально антагонизм сети финансистов и института католической церкви и был ситуативным, и первые вряд ли ставили перед собой несвойственную им задачу переустройства представлений

о миропорядке – скорее, они просто сражались за собственную легитимацию. Тем не менее логика эскалации и повышения ставок в этой борьбе привела к куда более системным последствиям, нежели можно было предвидеть. В итоге католическая онтология перевернулась, заместившись картиной мира и ценностями купца, а место верховенства идеи Бога заняли земные, материалистичные основания» [Коктыш 2022: 103]. В этом плане трудно не увидеть аналогии с Россией в период распада СССР и «парада суверенитетов».

По мнению автора, «природа когнитивного суверенитета – в когнитивной емкости как индивидуальных смыслов и потребностей субъектов, так и надындивидуальных смыслов и целей, обеспечивающих личную безопасность и безопасность группового актора политического процесса. В полимодальном исследовательском измерении концептуальным интегратором когнитивного суверенитета выступают не только социально-экономические смыслы, но и смыслы, производимые такими нематериальными активами, как наука, образование, искусство, культура и наследие», [Арканникова, Брагинец 2024: 189]. Также, в опоре на законы развития цивилизаций по Н.Я. Данилевскому [Данилевский 2010: 115-116], в частности на его первый закон¹, нельзя оставить без внимания хранилищу когнитивного суверенитета, культурного кода нации – ее язык. В этом плане дискурсология занимает все более значимое место в системе наук о культуре в целом, и о культурном суверенитете, в частности.

Заключение. Автор заключает, что концепт «культурный суверенитет» во многом возник и сформировался в научном дискурсе как противопоставление «своего» и «чужого», как готовность защищать «свое» от враждебного «чужого» – в его классическом прочтении, и как ответ на вызовы информационной, культурной, цифровой, экономической и политической глобализации – в его современном понимании. Исследование показало, что культурный суверенитет в англоязычной и отечественной научной литературе – это два принципиально разных концепта. Однако, для обоих дискурсов характерна репрезентация понятий как неизбежно политизированных. В российском научном сообществе культурный суверенитет сегодня сфокусирован на нациестроительстве как базовом каркасе когнитивного суверенитета и системной смычке власти и общества в условиях экзистенциальных вызовов и трансформации мирового порядка.

Представляется, что скорая перспектива междисциплинарного осмысления концепта «культурный суверенитет» позволит выявить особенности и определить инструменты/ механизмы реализации эффективной государственной политики идентичности и политики памяти. Дискурсивный подход в свою очередь позволит акцентировать внимание на онтологии и экстраполяции, аксиологических, семиотических и репрезентационных компонентах концепта.

¹ «Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, – для того чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, – составляет самобытный культурно-исторический тип» [Данилевский 2010: 115].

Источники

- Арканникова М.С. (2024a). Акторы музейного дискурса современной России // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. Т. 43. № 3. С. 245-254.
- Арканникова М.С. (2024b). Инженеры смыслов в аспекте профессионального дискурса // Инженеры смыслов: от концепта к профессионализации : коллективная монография / под ред. М.С. Арканниковой. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС. С. 31-40.
- Арканникова М.С. (2024c). Музейный дискурс: к исследованию контекста // Меди@льманах. № 3 (122). С. 18-24.
- Арканникова М.С., Брагинец А.Ю. (2024). Концепт «когнитивный суверенитет» в полимодальном измерении // Казанская наука. № 8. С. 188-190.
- Бурдые П. (2002). Формы капитала // Экономическая социология. № 5. С. 60-74.
- Гавра Д.П., Арканникова М.С. (2024). Музейный дискурс в системе национальной безопасности в условиях информационного противостояния: к постановке проблемы // Коммуникология. Т. 12. № 1. С. 144-155.
- Гаман-Голутвина О.В. (2024). Концепт идентичности: движение от абстрактному к конкретному // Полис. Политические исследования. № 3. С. 177-191.
- Гаман-Голутвина О.В., Сморгун Л.В. (2023). Политическое в пространстве турбулентного мира // Полис. Политические исследования. № 1. С. 7-10. DOI: 10.17976/jpps/2023.01.02.
- Горшков М.К. (2022). На переломе веков: социодинамика российской культуры: монография. М.: ФНИСЦ РАН.
- Данилевский Н.Я. (2010). Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Дынкин А.А. (2024). Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии // Полис. Политические исследования. № 5. С. 8-23.
- Ибрагимов К.А., Барабанов О.Н. (2020). Право на развитие: инновации как глобальное достояние // Политические исследования. № 2. С. 8-20.
- Игнатьева О.А. (2022). Формирование когнитивного и технологического суверенитета в контексте концепции островизации // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, 2–3 декабря 2022 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгун, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс. С. 182-183.
- Казаринова Д.Б. (2023). Культурная война // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН. С. 386-393.
- Камкин А.К., Сигачев М.И. (2023). Суверенизм и суверенитет // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН. С. 236-241.
- Кириллина Н.В., Родионов М.А., Волкова Т.А. (2024). Потенциал элит в консолидации общественного мнения: традиции Востока и Запада // Коммуникология. Т. 12. № 3. С. 150-162.
- Коктыш К.Е. (2022). Становление когнитивного кода современности // Полис. Политические исследования. № 6. С. 94-113.
- Коцур Г.В. (2023). Деконтекстуализация концептов «суверенитет» и «стратегический суверенитет» в официальных дискурсах России и Европейского союза, 2016–2021 гг. // Полис. Политические исследования. № 4. С. 23-36.
- Лапкин В.В. (2024). Эволюционный аспект трансформации миропорядка // Полис. Политические исследования. № 4. С. 146-165.
- Лотман Ю.М. (2010). Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб».

Мирошниченко И.В. (2023). Нематериальные ресурсы развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН. С. 57-67.

Муза Д.Е. (2024). О русской культуре и цивилизации: уроки XXI века (культурфилософские и искусствоведческие исследования): монография. Пушкино: Издатель Воробьев А.В.

Мчедлова М.М. (2023). Цивилизационные нарративы в политическом дискурсе: ценности и смыслы // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН. С. 165-174.

Оганисян Ю.С. (2015). Великая Отечественная – неоконченная война? // Политические исследования. № 3. С. 9-26.

Пантин В.И. (2023а). Войны памяти // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН. С. 378-385.

Пантин В.И. (2023б). Культура отмены // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН. С. 400-405.

Романова А.П. (2023). Культурная безопасность и культурный суверенитет // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН. С. 146-153.

Российское общество: архитектура цивилизационного развития: [монография] / Р.Г. Браславский, В.В. Галиндабаева [и др.]; отв. ред. В.В. Козловский; ФНИСЦ РАН. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021.

Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г (2018). Персональный вклад уральских ученых в изучение политических дискурсов: структурно-тематический обзор // Дискурс-Пи. № 2 (31). С. 30-113.

Семененко И.С. (2023). Дискуссии о развитии в контексте политики развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН. С. 44-56.

Сморгунов Л.В. (2022). Доказательная политика технологического суверенитета и ее дизайн // Южно-российский журнал социальных наук. Т. 23. № 3. С. 6-19.

Тойнби А. Дж. (1995). Цивилизация перед судом истории : Сборник / Пер. с англ. И.Е. Киселевой, М.Ф. Носовой. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура»; СПб.: «Ювента».

Торкунов А.В. (2022). Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы // Политические исследования. № 5. С. 12-13.

Турунок С.Г (2024). Ойкофобия и кризис современной западной цивилизации // Полис. Политические исследования. № 3. С. 37-49.

Шейнис В.Л. (2008). Национальная безопасность России. Испытание на прочность (Часть II) // Полис. Политические исследования. Том 19. № 1. С. 35-53.

Baudrillard J. (1970). La société de consommation: Ses mythes, ses structures. Paris: Denoël.

Habermas J. (1984). The theory of communicative action: Vol. 1. Reason and the rationalization of society (transl. T. McCarthy). Boston: Beacon Press. P. 75-101.

■ ■ ■ Cultural Sovereignty in Development Discourses

Arkannikova M.S.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the concept of *cultural sovereignty* in discussions about development in the context of development policy. The main objective of this work is to review domestic scientific research in the field of studying cultural sovereignty.

The review provides a brief description of research approaches to the concept, specifies the structural and cognitive components of the conceptualization of the concept, defines the principles of *assembling* the cultural sovereignty of the civilizational design of modern Russia in the context of the communicative approach. The author shows that the study of cultural sovereignty in the scientific community is focused on nation-building as the basic framework of cognitive sovereignty and the systemic link between power and society in the context of geopolitical challenges and the transformation of the world order. Analyzing the category of *cultural sovereignty* at the intersection of methodological approaches of cultural studies, political science and discourse studies, the author considers it promising to study the concept in the context of three discursive constructs: *museum discourse – discourse of state memory policy – discourse of national identity*, considered in relation to the modern political realities of Russia in the logic of implementing the national security strategy. The author concludes that, operating with the concept of *cultural sovereignty* and taking into account the linguistic foundation of the development of any civilization, one cannot ignore the keeper of cognitive sovereignty, the cultural code of a nation – its language. In this regard, discourse science occupies an increasingly important place in the system of sciences on culture in general, and on cultural sovereignty in particular.

Keywords: cultural sovereignty, strategic sovereignty, cognitive sovereignty, national security strategy, political discourse, museum discourse, discourse, development discourses

For citation: Arkannikova M.S. (2024). Cultural sovereignty in development discourses. *Communicology (Russia)*. Vol. 12. No. 4. P. 13-27. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-4-13-27.

Inf. about the author: Arkannikova Marina Sergeevna – CandSc (Polit.), associate professor, Director of the Higher School of Media Communications and Public Relations of the Institute for the Humanities of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, doctoral student of the Institute of the Higher School of Journalism and Mass Communications of the St. Petersburg State University. ORCID: 0000-0002-2490-8406. E-mail: arkann_ms@spbstu.ru. Address: 195251, Russia, St. Petersburg, Politekhicheskaya st., 29.

Received: 03.11.2024. *Accepted:* 12.12.2024.

References

- Arkannikova M.S. (2024a). Actors of Museum Discourse in Contemporary Russia. *Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics*. Vol. 43. No. 3. P. 245-254 (in Rus.).
- Arkannikova M.S. (2024b). Engineers of Meanings in the Aspect of Professional Discourse. In: *Engineers of Meanings: From Concept to Professionalization: Collective Monograph* / ed. M.S. Arkannikova. SPb.: POLYTECH-PRESS. P. 31-40 (in Rus.).
- Arkannikova M.S. (2024c). Museum Discourse: Towards the Study of Context. *Medi@Imanakh*. No. 3 (122). P. 18-24 (in Rus.).
- Arkannikova M.S., Braginets A.Yu. (2024). The Concept of “Cognitive Sovereignty” in the Polymodal Dimension. *Kazan Science*. No. 8. P. 188-190 (in Rus.).
- Baudrillard J. (1970). *La société de consommation: Ses mythes, ses structures*. Paris: Denoël (in Fr.).
- Bourdieu P. (2002). Forms of Capital (transl.). *Economic Sociology*. No. 5. P. 60-74 (in Rus.).
- Danilevsky N.Ya. (2010). *Russia and Europe. A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Roman World*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) (in Rus.).

- Dynkin A.A. (2024). Transformation of the World Order: Economy, Ideology, Technology. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 8-23 (in Rus.).
- Gaman-Golutvina O.V. (2024). The Concept of Identity: Movement from the Abstract to the Concrete. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 177-191 (in Rus.).
- Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V. (2023). The Political in the Space of a Turbulent World. *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 7-10. DOI: 10.17976/jpps/2023.01.02 (in Rus.).
- Gavra D.P., Arkannikova M.S. (2024). Museum Discourse in the National Security System in the Context of Information Confrontation: Towards a Problem Statement. *Communicology*. Vol. 12. No. 1. P. 144-155 (in Rus.).
- Gorshkov M.K. (2022). At the Turn of the Century: Sociodynamics of Russian Culture: Monograph. Moscow: Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Rus.).
- Habermas J. (1984). The theory of communicative action: Vol. 1. Reason and the rationalization of society (transl. T. McCarthy). Boston: Beacon Press. P. 75-101.
- Ibragimov K.A., Barabanov O.N. (2020). The Right to Development: Innovations as a Global Heritage. *Political Studies*. No. 2. P. 8-20 (in Rus.).
- Ignatyeva O. A. (2022). Formation of Cognitive and Technological Sovereignty in the Context of the Islandization Concept. In: Political Challenges and Political Dialogue in the Context of Global Turbulence: Proceedings of the All-Russian Conference of the Russian Academy of Political Sciences with International Participation. Moscow, INION RAS, MGIMO MFA of Russia, December 2-3, 2022, ed. O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov, L.N. Timofeeva. Moscow: Aspect Press. P. 182-183 (in Rus.).
- Kamkin A.K., Sigachev M.I. (2023). Sovereignty and Sovereignty. In: Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field, ed. Moscow: IMEMO RAS. P. 236-241 (in Rus.).
- Kazarinova D.B. (2023). Cultural War. In: Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field, ed. I.S. Semenenko. Moscow: IMEMO RAS. P. 386-393 (in Rus.).
- Kirillina N.V., Rodionov M.A., Volkova T.A. (2024). The Potential of Elites in Consolidating Public Opinion: Traditions of the East and the West. *Communicology*. Vol. 12. No. 3. P. 150-162 (in Rus.).
- Koktysh K.E. (2022). Formation of the Cognitive Code of Modernity. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 94-113 (in Rus.).
- Kotsur G.V. (2023). Decontestation of the Concepts of "Sovereignty" and "Strategic Sovereignty" in the Official Discourses of Russia and the European Union, 2016-2021. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 23-36 (in Rus.).
- Lapkin V.V. (2024). Evolutionary Aspect of the Transformation of the World Order. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 146-165 (in Rus.).
- Lotman Yu. M. (2010). Semiosphere. SPb.: Art – SPb (in Rus.).
- Mchedlova M.M. (2023). Civilization Narratives in Political Discourse: Values and Meanings. In: Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field, ed. I.S. Semenenko. M.: IMEMO RAS. P. 165-174 (in Rus.).
- Miroshnichenko I.V. (2023). Intangible Resources of Development. In: Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field, ed. I.S. Semenenko. Moscow: IMEMO RAS. P. 57-67 (in Rus.).
- Muza D. E. (2024). On Russian Culture and Civilization: Lessons for the 21st Century (Cultural-Philosophical and Art Studies): Monograph. Pushkino: Publisher A.V. Vorobyov (in Rus.).
- Oganisyan Yu.S. (2015). The Great Patriotic War – an Unfinished War? *Political Studies*. No. 3. P. 9-26 (in Rus.).
- Pantin V.I. (2023a). Wars of Memory. In: Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field, ed. I.S. Semenenko. M.: IMEMO RAS. P. 378-385 (in Rus.).
- Pantin V.I. (2023b). Cancel Culture. In: Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field, ed. I.S. Semenenko. M.: IMEMO RAS. P. 400-405 (in Rus.).

Romanova A.P. (2023). Cultural Security and Cultural Sovereignty. In: Identity: Personality, Society, Politics. New contours of the research field, ed. I.S. Semenenko. Moscow: IMEMO RAS. P. 146-153 (in Rus.).

Rusakova O.F., Gribovov E.G. (2018). Personal contribution of Ural scientists to the study of political discourses: a structural and thematic review. *Discourse-Pi*. No. 2 (31). P. 30-113 (in Rus.).

Russian society: the architectonics of civilizational development: [monograph] / R.G. Braslavsky, V.V. Galindabaeva [et al.]; ed. V.V. Kozlovsky; FNISC RAS. Moscow; St. Petersburg: FNISC RAS, 2021 (in Rus.).

Semenenko I.S. (2023). Discussions about development in the context of development policy. In: Identity: personality, society, politics. New contours of the research field, ed. I.S. Semenenko. Moscow: IMEMO RAS. P. 44-56 (in Rus.).

Sheinis V.L. (2008). National Security of Russia. A Test of Strength (Part II). *Polis. Political Studies*. Vol. 19. No. 1. P. 35-53 (in Rus.).

Smorgunov L.V. (2022). Evidence-based policy of technological sovereignty and its design. *South-Russian journal of social sciences*. Vol. 23. No. 3. P. 6-19 (in Rus.).

Torkunov A.V. (2022). Russia and the political order in a changing world: values, institutions, prospects. *Political studies*. No. 5. P. 12-13 (in Rus.).

Toynbee A.J. (1995). Civilization before the court of history (transl. I.E. Kiseleva, M.F. Nosovaya). Moscow: Publishing group Progress – Culture; St. Petersburg: Yuventa (in Rus.).

Turonok S.G. (2024). Oikophobia and the crisis of modern Western civilization. *Polis. Political studies*. No. 3. P. 37-49 (in Rus.).